

ФИЛОСОФИЯ

УДК 631.524

ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТИВНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ АНАЛИТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

И. О. Грязнов

В статье рассмотрены подходы к пониманию субъективности, представленные в работах известных американских философов конца XX века – Ричарда Рорти, Дэниела Деннета и Джона Серла. Показано, что их взгляды на субъективность обусловлены различием их подходов к пониманию сознания и той роли, которую должны играть в его объяснении культурные и биологические факторы.

Проблема субъективности является одним из «камней преткновения» в современной аналитической философии сознания. Любая попытка объяснить сознание наталкивается на вопрос о том, как и почему мозг порождает субъективные ощущения. Если во второй половине XX века преобладали попытки избавиться от этого вопроса с утверждением, что субъективной реальности не существует, что субъективность является лишь иллюзией, в частности, подобных взглядов придерживались Р. Рорти и Д. Деннет (а также множество других философов, относящих себя к материализму – от элиминативистов, до функционалистов и теоретиков тождества), то на рубеже XX–XXI веков заявили о себе такие концепции, как теория сознания Д. Серла, утверждающая нередуцируемость субъективности. Кроме него, который отмежевывается как от дуализма, так и от материализма, эти взгляды разделяют современные сторонники дуализма, которые после работ Д. Чалмерса вновь стали набирать популярность.

Основу парадигмы, в которой до сих пор работает большинство аналитиков, заложили в конце 40-х годов XX века Г. Райл и Л. Витгенштейн. Традиционный картезианский подход к пониманию субъекта и сознания был подвергнут ими резкой критике.

В «Понятии сознания» Г. Райл [1] обрушился на устоявшиеся в европейской философии после Р. Декарта взгляды на разделение мира на две субстанции – мыслящую и протяженную и на понимание сознания как «духа в машине». Согласно Г. Райлу, на самом деле не существует субъективных ментальных состояний, а имеют место лишь определенные поведенческие диспозиции. Л. Витгенштейн в своих поздних работах в первую очередь в «Философских исследованиях», также критикует традиционное представление о субъекте как имеющем привилегированный доступ к собственному сознанию и отстаивает идею о том, что за ментальными терминами не стоит никаких референтов, а их значение зависит от употребления в рамках той или иной языковой игры¹.

Хотя между взглядами Г. Райла и Л. Витгенштейна есть существенные различия, их обычно рассматривают вместе, определяя их позицию (вместе с позициями некоторых других авторов) как «логический би-

---

© Грязнов Иван Олегович
(Griaznow.i@yandex.ru),
студент III курса исторического факультета
Самарского государственного университета,
443011, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

---

¹ См., например, [2, с. 143]: «Витгенштейн разрушает миф внутреннего пространства субъекта. Не стоит интерпретировать это утверждение так, будто индивид полностью лишается какого-либо внутреннего измерения. Но следование правилу, понимание, мышление и знание являются компонентами регулярных социальных практик, в ходе которых индивиды научаются смотреть на эти процессы как на внутренние. Сама по себе граница внутреннего и внешнего не существует изначально, но конституируется в процессе социальных практик. Отсюда следует, что субъект не может ставиться в особую позицию по отношению к своим внутренним состояниям: они оказываются не приватными, а публичными».

хевиоризм». Логические бихевиористы предлагают объяснять поведение человека без отсылок к какой-либо субъективной реальности.

Ричард Рорти:

элиминация субъективности

Бурное развитие наук о мозге, когнитивистики, исследований по искусственному интеллекту, произошедшее во второй половине XX века, придало новое направление дискуссиям о субъективности и сознании. Если Г. Райл и Л. Витгенштейн были ориентированы на обыденный язык, на «лингвистическую терапию», то теперь основное место заняли различные версии материализма, ориентированные на естественные науки.

Наиболее радикальным из всех материалистических направлений был «элиминативный материализм». Одним из главных представителей раннего элиминативного материализма (наряду с П. К. Фейерабендом) являлся Ричард Рорти. Основной идеей данного течения являлся тезис о том, что никакого сознания вообще не существует. Единственной реальностью нашего мира является материальная реальность, а все ментальные сущности подлежат элиминации. Элиминативизм полностью отрицал субъективную реальность. Не существует вер, желаний, надежд, а также квалиа, сырых ощущений, таких как боли, восприятия цветов и других.

В работе «Философия и зеркало природы» Р. Рорти реализует свой масштабный проект по реконструкции традиционного образа философии как особой дисциплины, занятой решением «вечных» проблем. Так как традиционно одной из таких проблем считается проблема сознания, неудивительно, что он посвящает ей множество страниц своей книги. Рассматривая проблему «сознание–мозг», он доказывает, что не существует исторически неизменного понятия «сознание». После попыток Г. Райла и Л. Витгенштейна описать ментальные сущности как диспозиции к поведению понятие «сознание» как особая онтологическая реальность сузилось в дискуссиях аналитических философов до понятия «сырые ощущения». Сырые ощущения, или квалиа, проблематично истолковывать как поведенческие диспозиции, и они всегда служили аргументом против бихевиоризма.

Так, он пишет: «Многие философы приняли в качестве само собой разумеющегося утверждение о том, что «проблема ума и тела» была вопросом о том, могут ли сырые ощущения рассматриваться как диспозиции к поведению» [3, с. 71]. Зачастую именно в дискуссиях о квалиа в аналитической философии рассматривается проблема субъективности. Такие сырые ощущения, как боль, восприятие цвета, всегда субъективны, и «их реальность исчерпывается тем, как они нам кажутся» [3, с. 23]. Если дело обстоит таким образом, значит, существует субъективная реальность, несводимая к объективной физической реальности. Однако Р. Рорти подвергает эту точку зрения резкой критике. Он считает, что признавать существование субъективно переживаемой боли – значит «гипостазировать свойство – болезненность – в специального рода единичность, чье *esse* есть *percipi* и чья реальность исчерпывается нашим исходным знакомством с ней. Неодуалист больше не говорит о том, как люди ощущают, но говорит об ощущениях как о маленьких самосуществующих сущностях, проистекающих из человека в той же манере, как универсалии проистекают из примеров» [3, с. 23]. Гипостазируя универсалию «болезненности», мы начинаем задаваться вопросами об онтологическом статусе боли как чего-то отличного от определенного состояния нейронов.

Нужно сказать, что теория Р. Рорти, согласно которой необходимо элиминировать из нашей картины мира сознание вместе с такой его чертой, как субъективность (он вообще избегает этого термина), не кажется особенно убедительной. Даже если мы это и сделаем, непонятно, какую пользу это может нам принести. «Не существует никаких ясных перспектив элиминации нашего психологического языка для описания феноменального опыта, и непонятно, какой смысл может иметь предвосхищение такой элиминации», – отмечает Д. Марголис [4, с. 104]. Р. Рорти сталкивается также с еще одной трудностью, специфической для его позиции. Большинство элиминативистов придерживаются сциентистских позиций и так называемого «обещающего материализма», уповая на «зрелую нейронауку», которая сможет в будущем вытеснить народную психологию. В частности, такие взгляды отстаивают самые известные

современные элиминативисты – Пол и Патрисия Черчленд. Р. Рорти же занимает по отношению к науке враждебную позицию.

Сам Р. Рорти не скрывал, что философия сознания не является для него особенно интересной. Он охотно отдавал пальму первенства в этой области своему другу Дэниелу Деннету: «Я полагаю, что мое обсуждение соотношения ума и тела в этой книге («Философия и зеркало природы») менее тонко и ясно, чем предложенное Деннетом...» [3, с. XXII]. Действительно, концепция Д. Деннета, являющегося специалистом именно по теории сознания, более интересна и последовательна.

Дэниел Деннет: субъективность как «побочный продукт языка»

Д. Деннет развивает функционально-информационный подход к сознанию, согласно которому отношение сознания и мозга – это отношение программы к компьютеру. Необходимым условием сознания он считает владение языком. Это ведет к несколько парадоксальному выводу о том, что сознанием могут обладать компьютеры (сильная версия искусственного интеллекта), но его лишены животные и маленькие дети, еще не научившиеся говорить. Д. Деннет полагает, что о сознании можно вести речь лишь тогда, когда имеется сознающий субъект, который может быть только лингвистически компетентным субъектом социальных практик. Чтобы субъективные состояния, такие как боль, имели значение, «должен существовать устойчивый субъект, для которого они значимы, поскольку являются источником страданий» [5, с. 167]. Рассматривая сознание как определенным образом организованную информацию, Д. Деннет предлагает модель самости как «центра нарративной гравитации» [6, с. 121–130]. Он предлагает мысленный эксперимент, в котором нам нужно вообразить робота, способного сочинять рассказы. Он путешествует по миру и рассказывает всем историю некоего Гилберта, причем с Гилбертом происходят те же самые события, что и с роботом. Д. Деннет считает, что этот воображаемый персонаж является самостью этого робота. «Мы все еще можем утверждать, что мозг робота – компьютер робота – в действительности ни-

чего не знает о мире; это не самость. Перед нами всего-навсего щелкающий компьютер. Ему неизвестно, что он творит. Он не знает даже о своем собственном творении воображаемого персонажа². Тем не менее контролируемый компьютером поведенческий паттерн в принципе может быть интерпретирован нами как разрастающаяся биография или нарративное повествование о самости. При этом мы – не единственные интерпретаторы. Робот-рассказчик тоже, конечно, является интерпретатором; самоинтерпретатором, выдающим собственное объяснение своей деятельности в мире» [6, с. 125]. Основным тезисом Д. Деннета является утверждение, что человеческие личности онтологически ничем не отличаются от литературных персонажей. Поэтому «каждый из нас является новеллистом» – мы постоянно создаем нарративы, повествующие о воображаемом персонаже, которым являемся мы сами.

Таким образом, по Д. Деннету, человек постоянно вовлечен в процесс производства субъективности, и этим он отличается от всех других живых организмов. Не существует никакой долингвистической субъективности: «Я предполагаю, что человеческая субъективность – знаменательный побочный продукт языка, и ее ни в каком виде невозможно по умолчанию экстраполировать на любой другой биологический вид» [7, с. 181]. Субъективная реальность, следовательно, не обладает каким-либо особым онтологическим статусом, и таких вещей, как квалиа, не существует.

Подобная точка зрения определяет отношение Д. Деннета ко многим известным в аналитической философии мысленным экспериментам. Например, в своей знаменитой статье Т. Нагель [8] предлагает вообразить «каково быть летучей мышью?» Этот пример направлен на подтверждение тезиса о «субъективном характере опыта», то есть утверждении о том, что живым организмам присуще особое, долингвистическое переживание собственного бытия. Д. Деннет же полагает, что летучим мышам, как и всем животным вообще, не присущи никакие субъективные ощущения. «О субъективности мыши

² Заметим в связи с этим, что то же самое можно сказать и о нашем мозге: ему вообще неизвестно, что он делает.

можно было бы говорить только тогда, когда свой взгляд на мир она выразила бы вербально, обмениваясь с помощью слов своим опытом с опытом других мышей» [9, с. 302].

Подобным образом Д. Деннет отреагировал и на «Аргумент зомби» Д. Чалмерса. В этом мысленном эксперименте предлагается вообразить зомби – существо, ничем не отличающееся от человека, но лишенное сознания и субъективности (оно не способно испытывать боль, воспринимать цвета). Мнение Д. Деннета о зомби выражено в знаменитом тезисе: «Возможны ли зомби? Они не только возможны, они действительны. Все мы – зомби» [10, с. 134].

Джон Серл: субъективность как «бытие от первого лица»

Подобные взгляды у многих исследователей сознания вызывают отторжение. Они противоречат нашим интуициям и позиции «здорового смысла». Одним из лидеров этого направления, нацеленного на защиту здравого смысла, является Джон Серл. Свою точку зрения Серл формулирует так: «Сознание – реальный биологический феномен. Оно состоит из внутренних, качественных, субъективных состояний: ощущать, знать, мыслить и чувствовать... Главные черты сознания в рамках данной концепции заключаются в том, что оно качественно, субъективно и едино» [11, с. 298]. В. В. Васильев справедливо отмечает, что «если попросить не ангажированного оккультизмом «человека с улицы» порассуждать о сознании, то мы услышим, что сознание – это какое-то внутреннее чувство, что сознание зависит от мозга и что оно влияет – и еще как – на поведение. Концептуальная схема Серла объединяет все эти здравые тезисы» [10, с. 67].

Пафосом работы Д. Серла «Открывая сознание заново» является возвращение сознанию его главной черты – субъективности. Д. Серл резко критикует различные материалистические теории, приводящие в конечном итоге к упразднению субъективности, в частности элиминативизм Р. Рорти и функционализм Д. Деннета. При этом он дистанцируется и от современных дуалистов, таких как Т. Нагель, Д. Чалмерс, С. А. Крипке, К. Макгинн и других. Свой подход он называет «биологическим натурализмом» и предлага-

ет рассматривать сознание как эмерджентное свойство мозга, а субъективную реальность – как специфический уровень физической реальности [11, с. 24].

Главное отличие серловской трактовки субъективности от деннетовской заключается в утверждении, что она имеет биологическую, а не лингвистическую природу: «Биологические процессы порождают сознательные ментальные феномены, а последние нередуцируемо субъективны» [11, с. 105]. Субъективность присуща не только человеку, но и множеству животных и младенцам, но не компьютерам, которые принципиально не могут быть субъективными [12]. Рассматривая причины, по которым множество авторов, таких как Р. Рорти и Д. Деннет, отрицают реальность субъективности, Д. Серл отмечает: «Мы находим сложным примириться с субъективностью, и не только потому, что выросли с идеологией, твердящей, что изначальная реальность должна быть абсолютно объективной, но и потому, что наша идея объективно наблюдаемой реальности предполагает понятие наблюдателя, подобно тому, как таковыми могут стать объективно существующие объекты и положения вещей в мире. Можно сказать, что для нас не существует способа отобразить субъективность как часть нашего взгляда на мир, поскольку интересующая нас субъективность и есть, так сказать, само отображение» [11, с. 105]. Н. С. Юлина так определила серловское понимание субъективности: «Имеется в виду не удостоверяемые интроспекцией субъективно личностные переживания, не самосознание и вообще не какое-то знание, которое в принципе можно компьютеризировать, а что-то, что на русском языке лучше всего назвать “осознанностью”, ощущением своего живого бытия или живого присутствия в мире и что дается только “с позиции первого лица”» [9, с. 309].

Подобной позиции по отношению к субъективности присущи определенные трудности. Во-первых, признавая субъективность лишь за биологическими организмами, Д. Серл не предоставил убедительных доказательств того, что субъективность не может быть присуща машинам. Его знаменитый «Аргумент Китайской комнаты», породивший огромную волну публикаций, не убедил

его оппонентов, которые предоставили убедительные контраргументы [13]. Во-вторых, его подход не дает ответа на «трудную проблему сознания», впервые четко сформулированную Д. Чалмерсом в 1996 году: почему вообще работа мозга сопровождается субъективным опытом?

Заключение

Подводя итоги, нужно сказать, что отношение к субъективности в аналитической философии сознания определяется тем, понимают ли ее как лингвистический феномен или как биологический. В первом случае возможна элиминация (Р. Рорти) или редукция (Д. Деннет) субъективности, во втором случае она является неустранимым свойством реальности (Д. Серл). Различие в подходах к субъективности отражает более глубокое различие в понимании природы сознания. Н. С. Юлина выделяет три парадигмы объяснения сознания: социолингвистическую, биологическую и социобиологическую: «Социологи считают, что сознание следует объяснять “сверху” – культурой и языком; биологи полагают, что “снизу”, из присущих животному миру свойств психики, а язык и культуру относить ко вторичным наслоениям; социобиологи предлагают соединить первые два подхода, применив новую методологию, позволяющую объяснять сознание одновременно и “снизу”, и “сверху”» [9, с. 153]. Авторы описанных концепций легко классифицировать по этим направлениям: Р. Рорти является социологом, Д. Серл – биологом, а Д. Деннет – социобиологом.

Сейчас невозможно сказать, какой из этих подходов одержит победу. У каждого из них есть свои достоинства и недостатки. Вряд ли в скором времени у нас появится удовлетворительная теория сознания. Нед Блок отмечает по этому поводу: «Без сомнения, решение “трудной проблемы” (то есть заполнение пробела в объяснении) потребует идей, которые сегодня мы не можем себе представить. Проблема связи между умом и телом настолько сложна, что никакие призы-

вы заполнить объяснительные пробелы прошлого не оправдывают моего оптимизма. Но все же я смотрю на этот вопрос с оптимизмом» [7, с. 153]. Но ясно, что какой бы ни была эта теория, она должна давать удовлетворительное объяснение феномена субъективности.

Литература

1. Райл Г. Понятие сознания. М.: Идея-Пресс, 2000. 408 с.
2. Галанина К. Э. Трансформация концепта субъекта в философии Людвига Витгенштейна // Вопросы философии. 2011. № 7. С. 138–147.
3. Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1997. 320 с.
4. Марголис Д. Личность и сознание. М.: Прогресс, 1986. 419 с.
5. Деннет Д. К. Виды психики: на пути к пониманию сознания. М.: Идея-Пресс, 2004. 184 с.
6. Деннет Д. К. Почему каждый из нас является новеллистом // Вопросы философии. 2003. № 2. С. 121–130.
7. Брокман Д. Во что мы верим, но не можем доказать: Интеллектуалы XXI века о современной науке. М.: Альпина нон-фикшн, 2011. 336 с.
8. Нагель Т. Каково быть летучей мышью? // Глаз разума. Самара: Бахрах-М, 2003. С. 349–360.
9. Юлина Н. С. Головоломки проблемы сознания: концепция Дениела Деннета. М.: Канон+, 2004. 544 с.
10. Васильев В. В. Трудная проблема сознания. М.: Прогресс-Традиция, 2009. 272 с.
11. Серл Д. Р. Открывая сознание заново. М.: Идея-Пресс, 2002. 256 с.
12. Серл Д. Мозг, сознание и программы // Аналитическая философия: становление и развитие. М.: Прогресс-Традиция, 1998. С. 376–400.
13. Васильев В. В. Кока-кола и секрет Китайской комнаты // Философия сознания: классика и современность. М., 2007. С. 86–94.

Статья поступила в редакцию 15.03.2013 г.